

Когда рождался ты — сова кричала,
Безвременье вещая, плакал филин,
Псы выли, ураган крушил деревья,
Спускался на трубу зловещий ворон,
И хор сорок нестройных стрекотал.
И мать твоя, хотя страдала больше,
Чем матери другие, родила
Себе отрады меньше, чем должна бы, —
Бесформенный, уродливый комок,
На плод такого древа непохожий.
С зубами ты родился в знак того,
Что в мир пришел, чтобы терзать людей.

Уильям Шекспир. Генрих VI

Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, *Грядущий Хам*.

Дмитрий Мережковский

Глава первая

Он протянул руку и почувствовал, как на раскрытую ладонь упала первая капля дождя. Теперь нужно будет подумать о зонтике, решил Дронго, оглядываясь по сторонам. Или скорее пройти к станции метро, чтобы укрыться от начинающегося дождя. На нем был легкий серый костюм, но лондонская погода даже в июле бывает не всегда предсказуемой. Он повернулся, чтобы вернуться к станции метро, когда услышал телефонный звонок. Кажется, не самое лучшее время, привычно подумал Дронго. Хотя это неперемное условие всех мобильных аппаратов — звонить в самое неподходящее время. В конце концов, человечество сделало все, чтобы обеспечить себе подобную

ежеминутную связь почти в любой точке Земли. И теперь с этим приходилось мириться.

— Слушаю, — не очень довольным голосом произнес он.

— Добрый вечер, — услышал Дронго голос своего напарника Эдгара Вейдеманиса, — у тебя такой голос, как будто я тебя разбудил.

— Почти. Если ты быстро не скажешь, зачем позвонил, то я рискую попасть под сильный дождь и испортить свой летний костюм.

— Где ты находишься? В Риме?

— Нет. В Лондоне. — Дождь усиливался, и он ускорил шаг.

— Тогда понятно. У вас еще день. Разница с Москвой три часа, — сказал Вейдеманис.

— Теряешь квалификацию, — шутливо пробормотал Дронго, — ты обязан помнить, что после того, как Москва и Баку почти солидарно отменили переход на летнее время, в июле часовая разница между ними и Лондоном сокращается до двух и трех часов соответственно. И сейчас здесь уже пять часов вечера.

— Понятно. Ты идешь и разговариваешь?

— Нет. Я уже бегу, и у меня нет зонтика.

— Тогда зайди в какое-нибудь кафе, чтобы ты мог со мной спокойно переговорить. Не на ходу.

— Это так срочно?

— Желательно переговорить, — пояснил Эдгар. — Во всяком случае, чем быстрее, тем лучше.

— Ладно. Сейчас зайду куда-нибудь. Кажется, рядом есть что-то приличное. Позвоню через минуту.

Он увидел впереди двери знакомого сетевого кафе и вошел в помещение, куда спешили и остальные гости, застигнутые усилившимся дождем. Простояв в очереди, он взял себе «белый чай», как его называли англичане, то есть черный чай с молоком, и прошел дальше, устраниваясь за столиком. И только затем достал свой телефон, набирая номер.

— Восемь с половиной минут, — сразу сказал Вейдеманис, — теряешь квалификацию, — так же шутливо повторил он.

— Я стоял в очереди за чаем, — возразил Дронго, — и кроме меня сюда набралось достаточно много людей, которые собираются переждать начавшийся дождь. Уже не дождь, а ливень.

— Понятно. Теперь можешь говорить?

— Раз позвонил, могу. Что случилось? Судя по твоему решительному настрою, нечто очень срочное?

— Возможно. Ты слышал про смерть российского вице-премьера Мальцева? Это имя тебе что-то говорит?

— Какой Мальцев? Разве он умер? Не слышал, его звали...

— Николай Антонович Мальцев. Ему было шестьдесят два года.

— Хороший возраст для мужчины, — пробормотал Дронго, — такой солидный дяденька в очках. Я еще обращал внимание, когда показывали заседания российского правительства. Там он выделялся среди вице-премьеров. Был похож на такого серьезного профессора ботаники.

— Почему ботаники?

— Некий ассоциативный ряд. Или биологии. Может, из-за его очков. Что случилось? Когда он умер?

— Две недели назад. Ты как раз в это время летел из Штатов. Поэтому не обратил внимания.

— Может быть. Значит, действительно теряю квалификацию. Должен был обратить. И как он умер?

— Сердечный приступ. Когда приехали врачи, было уже поздно. Умер прямо в своем кабинете, на рабочем месте. Можно сказать, «сгорел на работе».

— Понятно. У мужчин в этом возрасте случаются инфаркты. И в чем там проблема?

— Мне позвонил мой хороший знакомый, Марат. Ты должен его помнить, он театральный критик.

— Помню.

— Вот он и попросил меня принять дочь Николая Антоновича.

— Очень мило с его стороны. И ты, конечно, не стал ему отказывать, учитывая, что он даже

не твой близкий знакомый, а хороший знакомый твоей дочери.

— И поэтому я с ней встретился.

— Начало многообещающее. И ты встретился с ней...

— Да. Но до этого я разговаривал с Наирой и сказал, что ты скоро прилетишь в Москву.

— Здесь уже приятней. Как у нее дела на работе?

— Это ты можешь узнать у нее сам, — усмехнулся Вейдеманис, — ты ведь обязательно ей позвонишь, когда прилетишь в Москву?

— Мерзавец, — шутливо возмутился Дронго, — как тебе не стыдно. Я женатый человек. Хорошо, что тебя не слышит Джил.

— Значит, ты не будешь ей звонить. И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

Майор Наира Рахимова принимала участие в секретной операции, где была задействована в мероприятиях против самого Дронго. Но он почти сразу ее разоблачил, поняв, что перед ним совсем не тот человек, за которого она себя выдавала. Затем у них было несколько бурных свиданий, после которых он улетел к своей семье в Рим. И, дважды возвращаясь в Москву, он всегда звонил Наире, и они с удовольствием встречались, с нетерпением ожидая этих встреч.

— Не нужно верить. Давай рассказывай, зачем тебя хотела видеть дочь бывшего вице-премьера?

— Она пришла сегодня днем к нам на проспект Мира, и мы с ней говорили почти полтора часа. Умная и серьезная женщина. Доцент Московского государственного университета. Будешь смеяться, но она биолог. Хотя ее покойный отец был инженером-строителем.

— Не буду, что дальше?

— Она убеждена, что ее отец не мог умереть от инфаркта. Или от сердечного приступа.

— Так... Интересно. И на чем базируются ее доводы?

— Отец прошел диспансеризацию за неделю до своей кончины. У него были почти идеальные показатели. Я имею в виду с сердцем. Хотя я уточнил, что у Николая Антоновича был диабет второй степени.

— Учитывая его тучность, нет ничего странного. И тогда почему она не верит в инфаркт? У него не могли быть идеальные показатели, если он страдал от диабета.

— Диабет второй степени. Иногда поднимался сахар. Но он принимал таблетки. Во всяком случае, уровень холестерина в крови был нормальным. Она принесла его последние анализы.

— Он мог понервничать на работе и получить сердечный приступ, а потом обширный инфаркт. Вскрытие делали?

— Нет. В том-то и дело, что нет. Его сестра работает заместителем главного врача в крем-

левской поликлинике. И она не разрешила «потрошить» своего брата. Понимаешь? Врачи появились у него в кабинете, когда он уже задыхался, и ничего не смогли сделать. Тело сразу отвезли домой.

— Это уже непорядок. Умирает вице-премьер в своем кабинете, и ему не проводят вскрытие, чтобы установить причину смерти. Как такое возможно?

— Сначала его сестра, а потом и его брат.

— Он тоже в кремлевской клинике?

— Бери выше. Он заместитель руководителя секретариата премьер-министра. И он был первым, кто оказался рядом с Николаем Антоновичем, пытаясь оказать ему первую помощь. Они работают в одном здании и даже на соседних этажах.

— Как хорошо, что у меня нет таких высокопоставленных родственников, — пробормотал Дронго, — иначе меня, после того как убьют, похоронят без соответствующей проверки.

— А ты обязательно хочешь, чтобы тебя разрезали? Тогда не волнуйся. Если умрешь раньше меня, то я прослежу. Хотя лучше не нужно. Умирать лучше в своей постели и в девяносто лет.

— Мой отец шутил, что умирать нужно здоровым, стараясь не попасть в руки к врачам, — вспомнил Дронго. — Значит, вскрытия не было. А дочь что-то заподозрила?

— Она говорила с его врачом. И самое главное, что у отца был заказан тур в Италию, куда он купил билеты и должен был уехать со своей супругой.

— Это ничего не значит. Тучный человек, по-нервничал на работе. Слабые сосуды, осложненные диабетом. Все могло быть.

— Она убеждена, что отец не мог неожиданно умереть. И настаивает на вскрытии тела. Но она понимает, что это вызовет грандиозный скандал и повредит репутации всей семьи. Ей даже сказали, что это повредит интересам государства.

— Государственные интересы. Конечно. Он же был вице-премьером.

— Поэтому ее дядя объяснил ей, что это просто невозможно.

— Могу представить, что он ей говорил. Где похоронили ее отца?

— На Новодевичьем кладбище.

— Тогда все. Это как мавзолей. Там не разрешат делать эксгумацию.

— Верно. Она об этом знает. И поэтому решила с нами посоветоваться. Хотя честно призналась, что ее дядя был категорически против этого визита. И супруг тоже.

— И зачем она рассказала все своему дяде? Это усложнит любую проверку в тысячу раз. Что дальше?

— Она все равно решила просить тебя о помощи.

— Интересно. Как она себе это представляет? Кажется, у Шерлока Холмса с его другом Ватсоном была такая история, когда они пытались играть роль воров, влезая в чужой дом. И не смогли уйти, не оставив следов. Что мы, по моему мнению, должны будем сделать? Забраться ночью на самое охраняемое в мире кладбище и тайком вырыть труп бывшего вице-премьера? Потом исследовать тело и, не знаю каким образом, доказать, что его убили? Точнее, отравили, ведь внешних признаков насильственной смерти наверняка не было...

— Не было... — подтвердил Эдгар, — иначе обязательно бы настояли на вскрытии.

— Вот видишь. Вице-премьеру не повезло с родными. Или, наоборот, очень повезло. Сначала прибежал его высокопоставленный брат. А потом вмешалась и его сестра. И так его с почетом похоронили на самом престижном кладбище в стране, а теперь дочь начала убеждать, что смерть выглядит подозрительно.

— Правильно мыслишь.

— Что ты ей сказал?

— Обещал передать наш с ней разговор. И сразу перезвонил тебе. У вас дождь закончился?

— Еще нет. Зато чай у меня закончился. И все-таки какие у нее есть основания? Или только непонятные подозрения?

— Она говорит, что отец чувствовал себя прекрасно и должен был лететь в Италию.

— Я приведу тебе тысячу примеров, когда люди должны были куда-то лететь или соби- рались на отдых, а их планы неожиданно разру- шала внезапная смерть. Особенно в его возрасте и при его тяжелой работе.

— Она говорит, что мать тоже не верит в сердечный приступ. У ее матери какое-то непонят- ное чувство, словно голос изнутри. Она все вре- мя видит мужа во сне.

— Только не говори, что у них в доме появля- ется тень умершего Мальцева.

— Не говорю. Но женщин убедить сложно, если они так считают.

— Ты понимаешь, что все эти рассуждения выглядят достаточно наивно. Психологически все понятно. Когда человек долго болеет и умирает, то к этому финалу все постепенно привыка- ют. Когда человек умирает неожиданно, смерть кажется неестественной и вызывает своеобраз- ный шок.

— Есть еще несколько фактов, которые она мне сообщила, — сказал Эдгар.

— Какие факты?

— Отец позвонил ей утром и сказал, что они должны серьезно поговорить. Она удивилась и спросила, о чем именно? И он сказал, что это не телефонный разговор и что он обязан сообщить ей важную информацию. Голос у него был странный, как она выразилась. А через два часа он неожиданно и скоропостижно умер.

— Это уже политический детектив. Ты думаешь, был заговор? В путинской России? И кого собираются менять? Президента Путина или премьера Мишустина? Владимир Владимирович управляет страной уже больше двадцати лет. И, судя по всему, собирается управлять еще много лет, а потом снова назначит преемника. И в отличие от товарища Сталина, это не будет ниспровергатель Хрущев, а кто-то из его близкого окружения...

— Опять Медведев?

— Нет, конечно. Может, Шойгу, хотя не уверен. Или новый министр экономического развития. Говорят, он ходит в любимчиках Путина. В любом случае в путинской России политические убийства уже невозможны. Эра закулисных интриганов и олигархов закончилась с уходом Ельцина. Сейчас выстроена жесткая вертикаль власти, при которой каждый знает свое место.

— Интересно, о чем отец хотел говорить со своей дочерью?

— О чем угодно. Например, о ремонте на даче. Или собирался предложить ей отправиться с родителями в Италию. Она живет с родителями или одна?

— Нет, со своей семьей. У нее муж и дочь.

— Сколько ей лет?

— Тридцать девять.

— Взрослая женщина. Я должен был понять. Доцент МГУ не может быть совсем молодой девушкой. Хотя сейчас возможно все, что угодно. А ее дочери сколько?

— Кажется, десять или двенадцать. Я не уточнял.

— Мужа тоже куда-то устроили на «хлебную должность»?

— Он заместитель министра связи.

— Просто семейный подряд. Все случайно оказались во власти. Хотя если твой тесть вице-премьер, а его брат работает в секретариате премьера, то грех не воспользоваться такой ситуацией. Понятно. Как ее зовут?

— Екатерина Николаевна.

Дронго взглянул на улицу.

— Кажется, дождь заканчивается, — пробормотал он.

— Что? — не понял Вейдеманис.

— Дождь заканчивается. Теперь объясни, что мы должны делать? Найти доказательства возможного отравления ее отца?

— Верно.

— Доказать убийство вице-премьера правительства. В путинской России, где все под строгим контролем самого президента. Где идеальная вертикаль власти... Если бы было хоть малейшее подозрение, они бы уже проверили. Мальцев все-таки входил в первую двадцатку самых влиятельных людей государства. Надеюсь, ты деликатно ей пояснил, что мы ничего не сможем сделать?

— Я пообещал, что ты приедешь и вы встретитесь, — почти виновато пробормотал Эдгар.

— Спасибо. Мне только неприятностей со службой охраны президента не хватало. Или она не понимает, что никто не позволит проводить подобное расследование? Во имя государственных интересов.

— Все понимает, но настаивает. Говорит, что у ее матери есть нехорошее предчувствие.

— Какой убедительный довод. Дождь наконец закончился.

— Обещает выплатить хороший гонорар, — добавил Вейдеманис.

— Обеспеченная женщина. Понимаю, что она потрясена смертью своего отца, но весь этот разговор выглядит не очень серьезно. И самое неприятное, что к этому делу просто невозможно подступить ни с какой стороны. И ее дядя аб-

солютно прав, когда советовал не обращаться ко мне.

— Я сказал, что мы подумаем, как ей помочь.

— Ты считаешь, что я теперь должен прилететь в Москву? Может, она увидела во сне, что ее отца отравили! Это тоже считается убедительным фактом?

— Она уверена, что отца отравили, — снова повторил Эдгар. — Я пообещал.

— Даже не поговорив со мной?

— Кроме того, через два дня день рождения Наиры, и ты, возможно, захочешь ее лично поздравить.

— Послушай, ты просто интриган. Непорядочный человек, — рассмеялся Дронго. — Мне все ясно. Ты точно знал, что я все равно прилечу в Москву. Ладно. Завтра вылетаю. Только предупреди Екатерину Николаевну, чтобы у нее не было никаких иллюзий. Дело абсолютно тухлое. К могиле ее отца будет невозможно подступиться. Можешь представить, какой будет грандиозный скандал, если кто-то вообще узнает о намерении провести расследование по факту смерти вице-премьера? Или она думает, что я могу вызывать духов с того света?

— Она говорит, что ей столько рассказывали о тебе.

— Моя репутация меня погубит, — выдохнул Дронго. — Ладно. Сейчас закажу билет на завтра

ТРИУМФ КАРЬЕРИСТА

в Москву. Хорошо, что отсюда летают большие двухэтажные «Боинги». Не люблю, когда в маленьких самолетах нас сильно трясет.

— И конечно, я не буду предупреждать Наиру о твоём приезде, — лукаво уточнил Вейдеманис.

— Если уже не предупредил, — усмехнулся Дронго. — В общем я перезвоню, когда закажу билет. И передай Екатерине Николаевне, что мы встречаемся с ней завтра вечером.

Глава вторая

Вечером коллеги сидели в квартире, когда раздался телефонный звонок. Женщина приехала на своей машине и спрашивала, как ей пройти в дом.

— Мы уже предупредили консьержа, — сообщил Вейдеманис, — можете подняться.

Через пять минут в квартиру вошла Екатерина Николаевна. Она была в сером платье, на ногах полусапожки. Острый нос, немного раскосые глаза, очки, вытянутое, худое лицо, собранные волосы, почти не было следов косметики. На руках были достаточно скромные часы. Хотя сумочка была от очень известной французской фирмы. Эта женщина была похожа на преподавателя средней школы, но никак не на дочь вице-преьера и супругу

заместителя министра. Пожав руку Дронго, она прошла в гостиную, усаживаясь в кресло, которое ей предложил хозяин квартиры. Он сам уселся напротив, Вейдеманис пристроился на диване.

— Что-нибудь хотите выпить? — уточнил Дронго.

— Нет, спасибо, — отказалась гостья, чуть поевшись, словно ей было зябко, — вам ведь уже сказали, почему я пришла.

— Да. Соболезную вашему горю. Это всегда тяжелая трагедия, когда теряешь родителей. Тем более так неожиданно.

— Именно так. Неожиданно. Дело в том, что мой дедушка, папин отец, жил почти до восьмидесяти. У них в семье были долгожители.

— На Кавказе восемьдесят лет — это достаточно средний возраст, — мягко заметил Дронго, — но вы правы. Генетика имеет значение. Вы ведь биолог. И закончили МГУ?

— Верно.

— А потом остались на кафедре, защитили диссертацию, стали доцентом. — Он не спрашивал, он утверждал. — Наверняка сейчас пишете докторскую?

— Уже закончила, — без тени улыбки сообщила Екатерина Николаевна, — скоро должна быть защита. Просто этот случай... эта трагедия...

Она тяжело вздохнула.

— Я понимаю, — участливо произнес Дронго.

— Мы с мамой уверены, что он не мог просто так умереть, — сказала гостя, — он был очень сильным и волевым человеком.

— Вы считаете, что сильные и волевые не уходят, как все остальные. Извините, что я несколько циничен.

— Конечно, уходят. Но вот так...

— Если у вас были какие-то подозрения, их можно было легко проверить сразу после кончины вашего отца. Достаточно было провести обычное обследование.

— Мы были в таком состоянии. И мама просила, чтобы его не трогали. И моя тетя Клавдия тоже настаивала.

— Эта сестра вашего отца, которая работает в кремлевской поликлинике?

Женщина растерянно посмотрела на Вейдеманиса.

— Вы навели о нашей семье справки? — спросила она.

— Нет. Вы сами рассказали о своей тете моему напарнику, — ответил Дронго.

— Да, действительно. Я начинаю все забывать. После всего случившегося. Так получилось, что туда приехали все. И моя тетя, и мой супруг.

— Итак, все не хотели вскрытия, но после похорон у вас с матерью появились крепнущие убеждения, что его смерть, возможно, не была случайной.

— Мы в этом сомневаемся. Я узнала, что он звонил маме и предложил ей взять меня с собой в Италию. И мою дочь. Понимаете, он планировал поездку. И еще он позвонил мне сказать, что хочет со мной серьезно поговорить.

— Может, он и собирался предложить вам эту поездку? Вы ведь изначально не планировали отправляться в Италию все вчетвером?

— Нет. Но он сказал маме, что хочет взять с собой меня и внучку Настю. Чтобы мы поехали все вместе.

— И вы считаете, что он хотел поговорить о чем-то другом?

— Уверена. Он мог бы сообщить о поездке по телефону. И не стал бы планировать серьезный разговор с глазу на глаз.

— Понятно. У вас были с ним хорошие отношения? Простите, что спрашиваю.

— Идеальные. Он меня просто обожал.

— У вас есть братья и сестры?

— Нет. К сожалению, нет.

— Почему? Ведь ему было шестьдесят два. Значит, вы появились, когда вашему отцу было около двадцати трех лет. Очень молодой возраст. И потом не было детей? Я спрашиваю для понимания ваших отношений.

— Все правильно, — кивнула Екатерина Николаевна, — я была первым ребенком. Родители поженились, как только закончили институт.

Они вместе учились. И я родилась через год. Ну а после... после случилась трагедия. Родители попали в тяжелую аварию. Мама была на восьмом месяце. Должен был родиться мальчик. Она потеряла ребенка и больше уже никогда не могла рожать. Мы никому не рассказывали об этой трагедии. Но на маму она сильно подействовала.

— Понимаю, — мрачно кивнул Дронго, — значит, вы были единственной и любимой дочерью. И поэтому вы так убеждены, что о совместной поездке в Италию отец мог сообщить вам и по телефону.

— Да. Тем более что он сказал об этом маме.

— Вы говорили, что в момент смерти в кабинете вашего отца был его брат?

— Да. Младший брат моего отца. Денис Антонович. Он тоже работал в Совете министров и прибежал сразу, как только позвонила секретарь моего отца. Но когда он прибежал, было уже поздно.

— У вашего отца были хорошие отношения с братом?

— Конечно. Они вместе ездили на рыбалку по воскресеньям, папа очень любил сыновей моего дяди, моих двоюродных братьев. Их детей. Один из них сейчас работает в нашем посольстве в Египте. Советником посольства, а другой

в Министерстве экономического развития. Папа любил их как родных сыновей.

— Что вполне объяснимо.

— Да, наверно.

— А ваш супруг?

— Дядя рассказал, что он прибежал в кабинет уже после врачей, которые констатировали смерть. Они договаривались встретиться с отцом.

— Понятно. Какие отношения были у мужа с вашим отцом?

— Нормальные.

— Говорят, что все любящие отцы немного ревнуют своих дочерей к их мужьям?

— Не знаю. Я об этом никогда не думала, — сухо произнесла гостья.

— А у вашей тети Клавдии есть дети, муж?

— Есть, конечно. Муж — Сабир Валеевич Сабитов, он заместитель генерального директора какого-то крупного предприятия, кажется электротехнического. Я всегда путаю. Их дочь — Виктория, сейчас заместитель главного врача в Санкт-Петербурге. И ее супруг тоже врач. Такая династия врачей получилась.

Она просто констатировала факт. Не улыбаясь и не меняя серьезного выражения лица. Было заметно, что горе потрясло молодую женщину. Она достала носовой платок, повертела его в руках и снова убрала в сумочку.

— Извините, что я так подробно расспрашиваю, но мне важно понять отношения внутри вашей семьи. Чтобы представить себе картину в целом. Ваш супруг по специальности тоже биолог?

— Нет, — покачала она головой, — нет. Мы познакомились уже после того, как я уже защитила диссертацию.

— И сейчас он работает заместителем министра связи?

— Да, правильно.

— Ваш отец помогал ему с карьерой? Простите, что спрашиваю, но мне важны любые детали ваших семейных отношений.

— Конечно, нет, — печально ответила гостя, покачав головой. — Нужно было знать моего отца. В таких вопросах он бывал более чем принципиальным человеком. Считал, что нельзя пользоваться родственными связями. Моему мужу больше помогал мой дядя, Денис Антонович.

— Сколько лет вашей дочери?

— Десять. Недавно исполнилось.

— У вас только одна дочь?

— Да. Так получилось, что я была постоянно занята на работе. Муж тоже делал карьеру. Не сложилось...

— Вы ведь биолог по образованию и должны понимать, что если это было предумышленное

убийство, то вашего отца могли отравить только в день его кончины. Вряд ли кто-то стал бы рисковать, давая ему яд длительного действия.

— Я об этом тоже подумала.

— Хотя в реальность такого сюжета верится с трудом. Отравить вице-преьера российского правительства — это слишком дерзкий вызов, который может спровоцировать потрясение в обществе. В наше время такое просто невозможно. Не думаю, что на такой шаг мог кто-то пойти. Но в любом случае нужно будет проверить всех, кто заходил в тот день к вашему отцу, если есть такие подозрения. Вы, конечно, были знакомы с его секретарем?

— Отец работал с ней уже одиннадцать лет. Елизавета Трофимовна. Они начинали еще в «Росвооружении», где работали вместе. Он ей очень доверял.

— Сколько ей лет?

— Около пятидесяти.

— Замужем?

— К сожалению, нет. И никогда не была, если вас интересует эта сторона вопроса. Таких обычно называют «старыми девами». Очень пунктуальная, дисциплинированная, всегда аккуратная, все помнившая. Она уже подала заявление, чтобы уйти из Кабинета министров обратно в агентство. Не хочет оставаться там без моего отца.

Такой верный и преданный друг. — Екатерина Николаевна, не выдержав, еще раз достала носовой платок, сняла очки и вытерла набежавшую слезу. Затем убрала платок, надела очки и взглянула на Дронго: — Извините. Мне все еще сложно об этом говорить.

Он кивнул в знак понимания.

— Мимо такой преданной женщины не мог проскользнуть незнакомый человек, — задумчиво произнес Дронго.

— Конечно, — согласилась гостья, — она очень уважала и даже любила моего отца. Это было заметно. И всю нашу семью, — быстро добавила она.

— У вашего отца были враги?

— Не знаю, — несколько растерянно ответила женщина, — не думаю, что были какие-то личные враги. Но, возможно, по службе были недоброжелатели. Не знаю, не уверена.

— Он не рассказывал о своей работе?

— Никогда. Даже маме ничего не говорил. Его прежняя работа в агентстве приучила к некоторой закрытости. Он был связан с разными секретными проектами. Наверно, сейчас уже об этом можно говорить. А прежде это было своеобразное табу. Потому в доме никогда не говорили о его служебных делах.

— Даже среди близких?

— Да. Я никогда не слышала, чтобы в доме обсуждались какие-нибудь служебные дела. Это было исключено.